



**Невербальные кинетические компоненты
коммуникации в учебном русско-
болгарском словаре
и их место в процессе формирования
вторичной языковой личности**

А. Липовска*

В последние десятилетия в связи с развитием антропоцентрического подхода в лингвистике и появлением, в частности, теории языковой личности [Караулов 1986] в методике обучения иностранному языку встал вопрос о формировании вторичной языковой личности [Халеева 1989].

Должны ли иметь свое отражение мимика и жесты в процессе формирования вторичной языковой личности?

Более 20 лет назад на проблему обучения мимике и жестам (невербальным кинетическим компонентам коммуникации) в процессе овладения иностранным языком обращает внимание Е. М. Верещагин и подчеркивает их лингвострановедческое значение “для формирования внутреннего мира обучающегося и его отношения к носителям изучаемого вербального языка, к их культуре...” [Верещагин 1976: 145]. К сожалению, несмотря на то, что никто не возражает против очевидной необходимости целенаправленного обучения в этой области, не существу-

© 1999. ЛИПОВСКА Анна, доктор филологии, главный ассистент кафедры русского языка Софийского университета.

ют или, во всяком случае, нам неизвестно о существовании отобранных, исследованных в сопоставительном (русско-болгарском) плане и представленных в учебных пособиях в подходящей для этого форме мимических и жестовых движений. Мысли в связи с этим, наверное, неоднократно возникали у преподавателей-практиков и авторов учебников, но проблема пока не получила своего разрешения. А это, по-видимому, так, потому что, с одной стороны, считается, что мимика и жесты при обучении близкородственному языку – вопрос второстепенный, не заслуживающий серьезного внимания (“Это легко, это само собой усваивается!”), а с другой (прямо противоположной) – считается, что мимика и жесты являются “высшим пилотажем” и заниматься ими нужно лишь на продвинутом этапе обучения. Тогда же об этом просто забывается.

Существуют некоторые расхождения в мнениях ученых по вопросу о роли и месте мимики и жестов в процессе коммуникации: Г. В. Колшанский рассматривает их как вспомогательное средство общения, Е. М. Верещагин – как средство сопровождения речи и как значимый субститут речевых отрезков, И. Н. Горелов – как обязательный, всегда значимый невербальный компонент коммуникации [ЛЭС 1990: 221]. Однако это не меняет сути дела, поскольку “речевое сообщение не может быть фактом коммуникации без паралингвистического сопровождения” [ЛЭС 1990: 367]. Следовательно, вопрос о том, нужно ли обучать болгарских студентов-русистов соответствующим кинемам, являющимся частью коммуникации на русском языке, становится излишним. Тем более он излишен, если цель обучения иностранному языку – формирование вторичной языковой личности.

Исходя из статуса кинетических невербальных средств в процессе коммуникации, следовало бы отнести их к первому уровню языковой способности носителей языка. Имея в виду, что мимика и жесты не универсальны, а в значительной степени специфичны для разных языков, для разных культур, следовало бы отнести их и ко второму –

когнитивному – уровню. Есть не менее веские основания отнести их и к прагматикону языковой личности. Следовательно, не должно возникать никаких сомнений по вопросу о том, следует ли включать в процесс формирования вторичной языковой личности определенный объем знаний и умений из области кинесики.

Появляется, однако, другая группа вопросов: какие невербальные кинетические компоненты включить в процесс обучения, откуда и по каким критериям отбирать их, в каких рамках и как представить, т. е. вопросы, связанные с отбором, организацией и презентацией материала.

Отбор такого “языкового” (коммуникативного) материала, каким являются мимика и жесты, осуществляется на базе данных видеозаписей живой речи, непосредственного общения; на базе текстов художественной литературы (в них рассматриваемые единицы представлены в виде описания или “присутствуют”, благодаря сопровождающим их вербальным выражениям); на базе данных толковых, фразеологических, двуязычных (русско-болгарских и болгарско-русских), специализированных словарей (см. [Акишина 1991], [Jordanskaja, Paperno 1995]); на базе специализированных экспериментов; а также на материале свободных ассоциативных экспериментов¹.

Обработка материала показывает, что его можно организовать, т. е. классифицировать и представить в виде учебных единиц, по меньшей мере, двумя способами: во-первых, на основании формального критерия и, во-вторых, на основании семантического критерия. С формальной точки зрения организующим началом может быть слово, обозначающее ту часть тела, которая участвует в осуществлении жесто-мимического движения, например, *глаза, брови, рот, лоб, рука* и т. п. Функционально-семантический критерий предоставляет возможность организовать материал в зависимости от значения, а именно: жесты, выражающие сытость, уважение, удовлетворение, угрозу и т. п. Можно распределить материал и по поведенческим фреймам: жесты в ситуации знакомства, при-

ветствия, прощания, официально-деловой встречи и т. п. От выбора критерия классификации зависит и выбор поддачи материала на занятиях. Если процесс обучения организован на функциональном принципе, то, например, тема “Выражение отрицания” непременно должна содержать представление в сопоставительном плане мимики и жестов при отрицании. Кстати, подтверждением того, что даже такой простой, казалось бы, жест, как жест отрицания, нуждается в объяснении в болгарской аудитории, служит тот факт, что студенты четвертого курса не смогли дать адекватного ответа на вопрос “Как при помощи жеста в общении на русском языке выражается отрицание?” На поставленный вопрос был получен следующий ответ: “В русском языке не как в болгарском, а наоборот”. На второй вопрос “Что вы имеете в виду, говоря “наоборот” (покажите и опишите движение)?” поступил ответ: “По-болгарски голова движется вперед и назад, а по-русски из стороны в сторону” (заметим попутно, что о жесте отрицания при помощи пальца или плеча вообще не было упомянуто). На наш взгляд, такое описание является неполным и довольно неточным. Причину этого мы видим, с одной стороны, в незнании, а с другой – в отсутствии коммуникативного навыка. Едва ли можно согласиться и с мнением по этому вопросу Р. Якобсона. В своей работе “*Да и нет в мимике*” он отмечает, что между движениями головы русских и болгар для выражения “нет” существует “диаметральная противоположность”. Далее Якобсон, хотя и отмечает, что “болгарское мимическое “нет”, кажущееся, на первый взгляд, оптически тождественным с русским мимическим “да”, при внимательном наблюдении обнаруживает существенное отличие” [Якобсон 1970: 286-287], приходит к не совсем точному, на наш взгляд, выводу (см. об этом в [Липовска 1999: 174-176]).

Хотелось бы выделить некоторые из множества существующих проблем, возникающих при сопоставительном анализе, который должен предшествовать презентации

материала на занятиях. Следует обратить особое внимание, с одной стороны, на соотношение вербального и невербального компонентов в рамках каждого из сопоставляемых языков, а с другой (что намного важнее) – на соотношении этих компонентов при сопоставлении. Дело в том, что, наряду с полным совпадением (или несовпадением) в невербальном плане и наличием полной эквивалентности (или безэквивалентности) в вербальном выражении определенных кинетических компонентов коммуникации на русском и болгарском языках, существует много расхождений промежуточного характера. Например, совпадение в невербальном плане при несовпадении в вербальном выражении, а также совпадение в вербальном выражении определенного жеста при несовпадении в осуществлении самого жеста. Так болгарский студент-русист, очевидно, испытывает определенную трудность при соотнесении русских выражений типа *качать / покачать / покачивать, мотать / мотнуть / помотать, крутить / покрутить, трести/потрести головой* с их вербальными эквивалентами *б.клата / поклацам, мотая, люля, въртя глава* и с конкретными телодвижениями, находящимися в прямой зависимости от этих выражений и имеющими определенное значение. Необходимо подробно описывать и демонстрировать жесты и мимику, особо выделять расхождения в вербальном и невербальном плане, а также в плане выражения и плане содержания невербальной единицы.

Нам неизвестны сопоставительные исследования мимики и жестов в сфере общения на близкородственных языках². Это вполне понятно, так как близость языков и культур, сходные условия жизни и деятельности порождают мнения о том, что кинетические системы также обнаруживают высокую степень сходства. Мы не возражаем против такого мнения, но хотелось бы, чтобы оно было подтверждено фактами с демонстрацией сходств и различий разного характера, которые, как правило, трудно

уловимы. Это позволяет ими пренебрегать, и, в свою очередь, приводит к нарушениям в коммуникации.

Объектом нашего анализа являются кинемы³, сопровождающие русскоязычную коммуникацию, и их корреляты в болгарской речи. Перед нами стояла задача их сопоставления и выявления существующих сходств и различий. В ходе работы мы пришли к выводу, что наиболее подходящей формой представления результатов исследования является словарная.

Таким образом, нашей целью стало лексикографическое представление элементов русской кинетической системы в сопоставлении с соответствующими элементами болгарской кинетической системы в учебном словаре. Такая задача подчинена общей тенденции в современной лингвистике к “ословариванию” языкового описания [Караулов 1981, 38]. В нашем случае речь идет об “ословаривании” невербальных единиц. Однако следует подчеркнуть, что противоречие здесь мнимое: кинемы рассматриваются не отдельно от языка, а во взаимодействии с ним – это сосуществующие компоненты единого процесса коммуникации.

Отправным пунктом для анализа русской кинетической системы служат данные словаря “Жесты и мимика в русской речи” [Акишина 1991]. Аналогичного словаря, представляющего болгарскую кинетическую систему, не существует, поэтому материалом для сопоставительного анализа служат эксцерпированный материал из болгарских документальных и художественных фильмов; данные экспериментов; примеры из текстов художественной литературы; а также личные наблюдения автора, для которого болгарский язык является родным.

В ходе исследования применяется метод сопоставительного анализа. Основой конкретной методики сопоставления является разработанная И. Червенковой (с опорой на [Сятковский 1976]) методика попарного сопоставительного анализа лексических единиц [Червенкова 1982]. В рамках этого подхода сопоставлению подвергаются и

план выражения, и план содержания анализируемых единиц. В нашем случае сопоставляется план выражения русских и болгарских кинем и их содержательная структура.

Исходным пунктом анализа является русская кинетическая система. Единица объекта анализа – русско-болгарская пара кинем. Используемая методика предполагает двунаправленность анализа: сравнение каждой пары проводится сначала в направлении от русской кинемы к ее болгарскому корреляту, а потом от болгарской кинемы к русскому корреляту. В результате сопоставления между анализируемыми единицами выявляются отношения сходства, включения, пересечения и непересечения в формальном и содержательном аспектах. В рамках формального аспекта исследуется, с одной стороны, конкретное телодвижение, физическая реализация жеста, а с другой – его вербальное представление в устной и письменной речи. Содержательный аспект выявляет отношения сходства и расхождения в области семантики, прагматики, системных связей кинем.

Представленный подход оправдал себя при сопоставлении вербальных единиц близкородственных языков, какими являются русский и болгарский. Он работает и при сопоставлении невербальных кинетических средств общения в условиях русской и, соответственно, болгарской языковой среды.

Русско-болгарский словарь мимики и жестов, по нашему замыслу, должен быть словарем *сопоставительным*. По составу словника он является *словарем-минимумом*, а способ подачи и характер информации о кинемах учитывает его *учебную* направленность.

В начале словаря располагается небольшая **теоретическая часть**. В ней излагаются объект, предмет и задачи паралингвистики как научного направления в рамках современных лингвистических исследований. При этом, наряду с фонационными и графическими, больше всего внимания уделяется кинетическим паралингвистическим средствам. Раскрывается роль невербальных средств ком-

муникации в процессе общения и необходимость их изучения в ходе овладения иностранным языком. Рассматриваются основные проблемы взаимосвязи кинесики и лингвострановедения. Предлагаются классификации кинем. Представляются известные словари мимики и жестов, а также некоторые теоретические работы в области кинесики.

Наличие введения такого рода в словаре учебного типа оправдано тем, что в учебных пособиях по иностранному языку на невербальные компоненты коммуникации, как правило, не обращается необходимого внимания.

Далее дается **собственно словарная часть**. В нее можно “войти” как со стороны русской кинем, так и со стороны болгарской. Это оказывается возможным благодаря полученным результатам проведенного сопоставительного анализа со сменой направления (первый шаг – от русской кинетической системы в сторону болгарской; второй шаг – от болгарской кинетической системы в сторону русской). Основная часть словаря отражает результаты этих двух шагов, причем исходной является русская система мимики и жестов, в соответствии с направлением первого шага. Это определяет и расположение словарных статей (в соответствии с расположением в алфавитном порядке русских слов-наименований частей тела). Структура словарной статьи позволяет произвести чисто механическое перевертывание, в результате чего исходной окажется болгарская кинетическая система. В этом случае, однако, нельзя получить такого расположения словарных статей, которое было бы в соответствии с алфавитным порядком болгарских слов-наименований частей тела. Указанное неудобство можно преодолеть с помощью болгарско-русского указателя слов-наименований частей тела.

Словарная статья имеет трехчастную структуру. Это выражается в ее вертикальном делении на три части: левую, которая условно названа “русской”, правую – “болгарскую” и “среднюю”. Средняя часть не принадлежит ни

одной из рассматриваемых кинетических систем, но соотносима с ними. Она представляет собой экспликацию так называемого *tertium comparationis* ('третьего члена в сравнении'), обеспечивающего базу для сопоставления.

Словарная статья открывается *заголовочной русско-болгарской парой*. "Русская" сторона представлена графическим изображением русской кинемы и ее вербальным выражением в речи, а "болгарская" – графическим изображением болгарской кинемы-коррелята и соответствующим вербальным выражением. Такой вход в словарную статью наглядно представляет подвергнутые сопоставлению единицы обеих кинетических систем и связанные с ними единицы обоих языков.

В качестве экспликации значений кинем (в "средней" части) выступают *толкования*. Метаязыком толкований служит русский язык, причем в виде, соответствующем метаязыку, который используется в работах представителей Московской семантической школы. В толкования включаются переменные величины. Например: '*В процессе общения с объектом N или при разговоре о нем коммуникант X показывает, что считает N глупым, ненормальным*' [Григорьев, Григорьева и Крейдлин 1995].

В словарной статье, соответственно в ее русской и болгарской частях, даются *словесные описания* русского и эквивалентного ему болгарского жестов. Эти описания предоставляют возможность пользователю словаря получить более подробную информацию о совершении конкретных движений, чем это предлагает статическое графическое изображение жестов в начале словарной статьи. Например, описание русского жеста с приведенным выше значением '*В процессе общения с объектом N или при разговоре о нем коммуникант X показывает, что считает N глупым, ненормальным*' следующее: "пальцы руки сложены в кулак, при этом только указательный палец выставлен, приложен к виску и крутится то в одну, то в другую сторону"; а описание болгарского жеста с этим же значением – "пальцы руки сложены в кулак, при этом только

указательный палец выставлен и им постукивают неоднократно по лбу". В тексте словарной статьи описания жестов выступают вместо графического изображения. Каждое из них соответствует конкретному значению (кинемы так же, как и слова, могут быть многозначными⁴).

За толкованием следует **прагматическая характеристика** кинемы⁵, где отмечается, с какой целью говорящий употребляет ту или иную кинему. Например: *для выражения одобрения / неодобрения, согласия / несогласия и т. п.*

Под рубрикой **ситуативная характеристика** излагаются требования по отношению к употреблению кинемы в определенных ситуациях общения. Например: *жест, распространенный в среде молодежи/актеров/шоферов; жест может употребляться старшими по отношению к младшим / нижестоящим по отношению к вышестоящим в служебной иерархии*. Даются также пометы типа: (*груб.*), (*вежл.*), (*фамил.*), (*покр.*), (*офиц.*).

Следующая рубрика в составе словарной статьи **вербальное сопровождение** кинемы в процессе общения. Она представлена в "русской" и "болгарской" частях соответствующими выражениями, которые обязательно или факультативно выступают вместе с кинемой, например: "Да", "Хорошо", "Я готов", "Конечно" (вербальное сопровождение русской кинемы, при помощи которой выражается согласие) и вербальное сопровождение эквивалентной болгарской кинемы – "Да", "Добре", "Хубаво", "Разбира се", "Естествено".

На основе кинем в языке образуются целый ряд **фразеологических единиц**. Они приводятся соответственно в левой и правой частях словарной статьи. Например: *глазом не моргнув – без око да му мигне; засучив рукава – да запретна ръкави; махнуть рукой на кого-что – да зарежа някого-нещо; ходить / стоять фертотом – ходя / стоя с ръце на хълбоците, като чорбаджия, правя делва*.

Русские и болгарские **примеры** (цитатные и конструктивные) даются в отдельной рубрике. Они содержат вербальное выражение, являющееся представителем кинемы

в тексте, или описание совершающихся телодвижений при реализации определенной кинемы.

Если исходная русская кинема многозначна, то представленный способ организации информации используется для каждого ее значения.

В конце отводится место для *комментария*. Эта часть словарной статьи обязательна для учебного словаря. В ней выделяются основные моменты сопоставительного анализа с указанием на расхождения как в невербальном, так и в вербальном плане. Тут приводятся наложенные одно на другое графические изображения русской и болгарской кинем, исполненных в разном цвете (в случае расхождения на уровне отдельных элементов эквивалентных по значению кинем), а также демонстрируется так наз. поле соответствий (см. об этом в [Червенкова 1982]).

Словарь снабжается *системой индексов и указателей*, с помощью которых пользователь может получать информацию по всем представленным рубрикам (например: указатель кинем, классифицированных по функционально-семантическому признаку; указатель кинем, классифицированных по поведенческим фреймам; указатель кинем; указатель, фразеологизмов (ср. [Jordanskaja, Paperno 1995]).

Думается, что составление такого словаря окажется полезным в работе над созданием учебных пособий и сможет помочь болгарам, изучающим русский, а также русским, изучающим болгарский язык, в процессе непосредственного общения на соответствующем иностранном для них языке.

Примечания

¹ В связи с работой по теме “*Что дает болгарскому студенту-русисту “Русский ассоциативный словарь”?*” был проведен эксперимент со студентами третьего курса отделения русского языка и литературы Софийского университета. Сначала с ними были проведены несколько консультаций по темам, связанным с

ассоциативным экспериментом и ассоциативным словарем. Студенты познакомились с макро- и микроструктурой “Русского ассоциативного словаря” [РАС 1994] после чего они должны были выполнить на материале этого словаря следующие задания: а) на основе пар стимул – реакция (S – R) образуйте, где это возможно, словосочетания или предложения; б) выделите те пары S – R, на основе которых мы судим о знаниях носителей русского языка в области литературы, искусства, науки, политики и т. п. (в скобках укажите соответствующую область); в) выделите такие пары S – R, которые выражают цели, мотивы, установки носителей русского языка; г) отметьте, какие различия между наблюдаемыми объектами в русском языке и соответствующими им объектами в болгарском языке вы – носитель болгарского языка, изучающий русский язык, – заметили.

Из представленного становится ясно, что студенты не получили конкретных указаний выделять пары S – R, связанные каким-либо способом с мимикой и жестами, но на материале словарных статей только букв А, Б, В и Г ими было выделено около 200 пар, к которым в скобках были даны краткие пояснения типа *характерные жесты, типичная мимика*. Этот факт говорит о том, что кинемы присутствуют в языковом сознании носителя данного языка, входят в виде вербальных выражений в его ассоциативно-вербальную сеть, отражающую предречевую готовность, а следовательно, должны найти свое место и в ассоциативно-вербальной сети вторичной языковой личности. Значит, перед нами еще один способ отбора материала, связанного с кинетическими средствами коммуникации.

² См. работы, посвященных описанию отдельных кинетических систем или их элементов (см. работы [Акишина 1991], [Алексова 1995], [Балтова и Предоева 1997], [Верещагин и Костомаров 1981], [Алликметс 1994], [Волос 1972], [Горелов 1980], [Григорьев, Григорьева и Крейдлин 1995], [Колшанский 1974] и др.), а также сравнению некоторых из них (см. работы [Акишина и Кано 1992], [Андрянов 1977], [Вежбицкая 1999], [Верещагин и Костомаров 1976], [Капанадзе и Красильникова 1983], [Николаева и Успенский 1966], [Райнов 1993], [Смирнова 1977], [Фаст 1993], [Ходина 1981], [Фаст, Холл 1995], [Якобсон 1970], [Jordanskaja, Paperno 1995] и др.).

³ “Кинема – значимый жест, мимическое и пантомимическое движение, входящее в коммуникацию в качестве невербального компонента при непосредственном общении коммуникантов” [ЛЭС 1990: 221].

⁴ В случае представления многозначной русской кинемы в каком-то одном, двух или более значениях могут появиться в качестве эквивалентов такие болгарские кинемы, которые не совпадают с болгарской кинемой в исходной русско-болгарской паре. При этом в “болгарской” части словарной статьи помещается описание соответствующих кинем, а не их графическое изображение.

⁵ См. [Липовска 1999].

Л и т е р а т у р а

Акишина 1991 – А. А. Акишина, Х. Кано, Т. Е. Акишина. Жесты и мимика в русской речи. – М., 1991.

Алексова 1996 – Р. Алексова. Елементи на невербалната комуникация в ежедневното общуване на българина (по време на учебните часове в училище) // Езикът и социалните контакти. – София, 1996.

Алликметс 1994 – К. Алликметс. Невербальные средства коммуникации – составной компонент профессионального портрета учителя // Национально-культурный компонент в тексте и языке. – Минск, 1994.

Андриянов 1977 – В. В. Андриянов. Сравнительная характеристика жестов русских и французов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977.

Балтова, Предоева 1997 – П. Балтова, А. Предоева. Аспекти на речевата комуникация. – София, 1997.

Вежицкая 1999 – А. Вежицкая. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.

Верещагин, Костомаров 1976 – Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Язык и культура. М., 1976.

Верещагин, Костомаров 1981 – Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – 1981.-N1.

Волос 1972 – Р. П. Волос. Введение в изучение невербальной коммуникации русского языка // Страноведение и преподавание русского языка иностранцам. – М., 1972.

Горелов 1980 – И. Н. Горелов. Невербальные компоненты коммуникации. – М., 1980.

Григорьева, Григорьев, Крейдлин 1995 – С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. Словарная статья в экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз // Московский лингвистический журнал. – 1995. – N 1.

Капанадзе, Красильникова 1983 – М. Капанадзе, Е. В. Красильникова. Жест и структура высказывания в разговорной речи // Русская разговорная речь. – М., 1983.

Караулов 1981 – Ю. Н. Караулов. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М., 1981.

Караулов 1986 – Ю. Н. Караулов. Русский язык и языковая личность. – М. 1986.

Колшанский 1974 – Г. В. Колшанский. Паралингвистика. – М., 1974.

Липовска 1999 – А. Липовска. О прагматическом аспекте исследования невербальных (кинестических) компонентов коммуникации при сопоставительном анализе близкородственных языков // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. – Новая серия – Т. II – Тарту, 1999.

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Маслова 1997 – В. А. Маслова. Введение в лингвокультурологию. – М. 1997.

Николаева, Успенский 1966 – Т. М. Николаева, Б. А. Успенский. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М., 1966.

Райнов 1993 – В. Райнов. Символното поведение на човека. – София, 1993.

РАС 1994 – Русский ассоциативный словарь. Книги 1-6. Ю. / Н. Караулов и др. – М., 1994-1998.

Смирнова 1977 – Сопоставительное описание элементов русской и английской кинестической коммуникации // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977.

Сятковский 1976 – С. Сятковский. Основные принципы сопоставительного анализа языков // Русский язык за рубежом. – 1976. – N 4,5.

Фаст, Холл 1995 – Дж. Фаст. Язык тела; Э. Холл. Как понять иностранца без слов. – М., 1995.

Филиппов, Кутловская 1975 – Фразеологизмы и жесты // Русский язык в школе. – 1975. – N 3.

Халеева 1989 – И. И. Халеева. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М., 1989.

Ходина 1981 – Н. Т. Ходина. Обозначение жестов как знаки психологических состояний в русском и английском языках // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. – Воронеж. – 1981.

Червенкова 1982 – И. Червенкова. О сопоставительном описании русской и болгарской лексики // Вопросы сопоставительного описания русского и болгарского языков. Фонетика и лексика. – София, 1982.

Якобсон 1970 – Р. Якобсон. Да и нет в мимике // Язык и человек. – М., 1970.

Jordanskaja Lidija and Slava Paperno. The Russian-English Collocational Dictionary of the Human Body. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1995.